

A young man with long dark hair, wearing a highly ornate golden crown and a rich red robe with intricate gold embroidery, stands in the foreground. He is looking slightly to his right. Behind him is the Church of the Holy Spirit in Moscow, a colorful and ornate Russian Orthodox church with multiple onion-shaped domes in various colors like blue, red, and gold. The scene is set outdoors with green trees and a clear sky.

Валерий Стрижов

МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ

Валерий Стрижов

МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ

<https://litres.ru/74070823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1682 год. Город задыхается в слухах и крови: стрельцы бунтуют, царевна Софья рвётся к власти, а юный Пётр прячется в Преображенском. Но под кремлёвскими стенами скрыта тайна, которая страшнее любого дворцового переворота — легендарная библиотека Ивана Грозного, Либерия, где хранятся гримуары древних волхвов.

Андрей Одоевский, молодой дворянин, случайно находит дневник умершего отца и узнаёт, что его род восходит к волхвам — хранителям дохристианского знания. Следуя указаниям, он проникает в подземелье и находит часть «Гранд Гримуара» — книги, способной подчинять духов и останавливать время. Теперь Андрей — ученик знаменитого чернокнижника Якова Брюса, и его миссия — найти Либерию раньше, чем это сделает бывший ученик Брюса, одержимый властью Григорий.

Валерий Стрижов

МОСКОВСКИЕ ТАЙНЫ

Московские тайны

Часть I

Глава 1, в которой московская ночь дышит тревогой, а на Сретенке являются чудеса

Ночь над Москвою стояла такая, что хоть топор вешай — душная, тяжелая, будто сама земля надышалась перед бедой. Не от июньского зноя, нет, а от того гнетущего, липкого страха, что разлился по городу уже несколько седмиц, словно кто-то невидимый растворил в воздухе яд. Город задыхался в слухах — они ползли по торгам, шептались на углах, просачивались сквозь щели заборов и оседали на стенах кремлевских соборов жирным, липким налетом. Говорили, будто Нарышкины хотят задушить царевича Ивана, будто стрельцов обманули в который раз, будто сама царевна Софья собирает несметную рать. Слова эти мешались с дымом костров и запахом прелой соломы, создавая такую невыносимую духоту, что, казалось, можно было зачерпнуть ее рукой.

Андрей Одоевский, молодой человек лет двадцати двух, пробирался по Сретенке, стараясь ступать по дощатым мосткам, которые еще кое-где уцелели. Сапоги его, добротные,

немецкой работы, купленные отцом на последние деньги, вязли в грязи по колено, и каждый шаг давался с таким чавкающим, противным звуком, что хоть святых выноси. Однако Андрей не ругался — он только крепче сжимал в левом кармане отцовский перстень и думал о том, что сейчас увидит.

Отец его, Петр Одоевский, умер два месяца назад. Сказали — «горячка», но Андрей знал: отец не болел. Он угас, как та свеча, из которой вытянули весь воск до последней капли. В последние дни он почти не ел, не пил, только писал что-то в тетради, которую потом спрятал под половицей. Андрей нашел эту тетрадь случайно, когда перебирал отцовский сундук, и с того самого дня покой его был нарушен навсегда. Там было написано о волхвах, о кудесниках, что жили на Руси еще до крещения, о тех, кто умел шепотом останавливать кровь, видеть звезды днем и слышать голоса из-под земли. И среди этих тайн была одна, главная, — место, где спрятана Либерия.

Андрей тогда не понял, что это за слово такое — Либерия. Он перерыл все отцовские книги, но нигде не нашел объяснения. Лишь много позже, у букиниста на Ильинке, услышал он страшный шепот: «Либерия — библиотека Ивана Грозного, что спрятана в кремлевских подземельях, да не найти ее никому, ибо охраняют ее духи древних волхвов». Букинист говорил это, крестясь и оглядываясь, словно упоминал самого сатану.

Андрей тогда не поверил. Он был молод, читал латинские книги, знал арифметику, изучал механику по трактатам, которые отец привозил из Немецкой слободы. Он считал себя человеком нового века, рассудительным и трезвым, как хорошие швейцарские часы. Но отцовская тетрадь лежала под подушкой, и каждую ночь он перечитывал ее, снова и снова, пытаясь уловить тот неуловимый смысл, который ускользал от него при свете дня, как вода сквозь пальцы.

И вот сегодня он решился.

Тетрадь указывала на неприметный проход в кремлевской стене, в том месте, где заканчивался ров и начинались какие-то хозяйственные постройки. Отец писал: «Здесь, за камнем с тремя царапинами, вход. Сим знаком отворяются ворота». Рисунок — круг, пересеченный тремя линиями. Такой же знак был вырезан на внутренней стороне отцовского перстня.

Подошел он к Кремлю. Ночь стояла безлунная, звезды едва просвечивали сквозь пелену облаков, и город казался черным, безжизненным, словно вымерший. Лишь кое-где в окнах теплились огни свечей — кто-то не спал, кто-то бодрствовал, как и он, томимый бессонницей. Стрельцы у Спасских ворот дремали, опершись на бердыши, и не обратили внимания на одинокую фигуру, скользнувшую вдоль стены, как тень.

Андрей шел медленно, отсчитывая шаги. Восемьдесят, восемьдесят пять, девяносто. Вот здесь. Остановился и про-

вел рукой по шершавому, холодному камню. Пальцы нащупали три глубоких царапины — словно от когтей огромного, невиданного зверя. Приложил перстень к камню и на мгновение зажмурился.

Ничего.

Ждал он, затаив дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выскочить наружу, ладони вспотели. Снова приложил перстень, но на этот раз сильнее, почти со злостью, ибо терпение его лопнуло, как перетянутая струна.

— Да отворись же! — прошептал он в темноту, и голос его прозвучал глухо и жалко, как писк мыши.

И тогда камень под пальцами дрогнул. Сначала чуть-чуть, будто от ветра, потом сильнее, и вдруг — глухой щелчок, от которого у Андрея заложило уши. Стена раздвинулась, открывая проход шириной в человеческое плечо. Оттуда пахло сыростью, землей и чем-то еще — сладковатым, тягучим, как мед, но с горьковатой, тревожной ноткой.

Шагнул Андрей внутрь. Проход за спиной сомкнулся с тем же глухим звуком, и он остался один в совершенной, непроглядной тьме, которая, казалось, имела вес и давила на плечи. Зажег он свечу, которую нес с собой в жестяном фонаре. Слабый огонек выхватил из мрака низкий свод, каменные стены, покрытые мхом и странными письменами, похожими на древние руны. Узнал он некоторые — их рисунки повторяли знак на перстне. Пошел вперед.

Туннель вился, как змея, уходя все глубже и глубже, слов-

но в самое нутро земли. Андрей считал шаги: тридцать, сорок, пятьдесят. Воздух становился все более спертым, а запах меда — сильнее, почти осязаемым, так что он чувствовал его вкус на языке. Это было странно, тревожно, но он продолжал идти, ибо знал: отец не написал бы об этом зря, не стал бы он томить его понапрасну.

Наконец туннель расширился, и Андрей вышел в небольшую каменную камеру. Посреди нее стоял дубовый стол, покрытый вековой пылью, а на столе лежала книга. Всего одна книга, но какая! Переплет из черной кожи, потертый, с золотым тиснением, которое почти стерлось от времени. Рядом — несколько свитков в кожаных тубусах и горсть монет, таких старых, что Андрей не мог разобрать на них ни года, ни надписи.

Взял он книгу в руки. Она была тяжелой, как кирпич, и холодной — хотя в камере было душно и сыро, словно в бане. От нее исходил тот же сладковатый запах, но теперь он казался резче, почти осязаемым, будто книга дышала. Открыл Андрей первую страницу.

Там было написано на греческом — языке, который он изучил по приказанию отца, вкладывая в это занятие всю свою душу. Прочитал он первые строки и почувствовал, как по спине пробегает ледяной холод, словно кто-то провел по ней мокрым пальцем.

«Гранд Гримуар. Книга, которую написал царь Соломон для своих сыновей, дабы они познали тайны мира сего и ми-

ра грядущего. В ней — заклинания, что подчиняют духов, слова, что останавливают время, и имена, что запретно проносить смертным. Берегись, читающий, ибо знание это — не для слабых».

Андрей захлопнул книгу. Сердце его бешено колотилось, готовое разорвать грудь. Он держал в руках то, о чем ходили легенды, то, что искал сам Брюс, то, что было спрятано веками. Он понял: это не просто книга. Это ключ. Ключ ко всей библиотеке, ко всей Либерии.

Сунул он книгу за пазуху, прихватил свитки и монеты — на всякий случай, — и двинулся обратно. На этот раз он шел быстрее, почти бегом, потому что вдруг осознал: тайник этот охраняется не только камнями и печатями. Он чувствовал, что за ним следят. Слепо, беззвучно, но — следят. Каждый шаг отдавался эхом, которое будто бы повторялось чуть позже, с задержкой, как в пустом колодце, и это эхо было не его собственным.

Выскочил он из прохода наружу — в ту же секунду стена сомкнулась, и в лицо ему ударил свежий ночной воздух, сладкий и пьянящий после подземной духоты. Андрей прислонился к холодному камню и перевел дух, чувствуя, как дрожь отпускает его тело. Книга лежала у него под рубахой, тяжелая и теплая, как живое существо, и он почти слышал ее биение.

Он понял, что должен отнести ее тому, кто поймет ее ценность. Тому, кто искал Либерию долгие годы. Якову Брюсу.

Глава 2, в которой набат возвещает беду, а царевна Софья являет свое лицо

Над Москвой занимался рассвет, разгоняя ночные страхи, но не принося покоя. Небо на востоке начало светлеть, приобретая бледно-голубой оттенок, словно выцветшая холстина, и на Сретенке уже закрипели телеги — ранние торговцы везли товары на рынок, проклиная утреннюю слякоть. Андрей шел по мокрой от росы мостовой и сжимал в кармане перстень, чувствуя его тепло. Он знал, что Брюс сейчас в строящейся Сухаревой башне — там, где уже несколько лет кипела работа, и где, по слухам, сам Брюс лично следил за каждым камнем, чтобы башня стояла по всем правилам новой, европейской науки.

Подошел он к башне, когда солнце уже показалось из-за крыш, осветив своим золотым светом еще не успевшие просохнуть улицы. Сухарева башня была недостроенной — леса облепляли ее стены, как паутина, кирпичи лежали штабелями у подножия, но два нижних яруса уже высились гордо и строго. Широкие окна смотрели на Москву, как глаза неведомого зверя, и из одного из них, того, что на втором ярусе, пробивался свет — верный признак того, что хозяин уже бодрствует.

Толкнул Андрей тяжелую дубовую дверь. Она поддалась с протяжным скрипом, который разнесся по пустому помещению, и он шагнул внутрь. Пахло известью, сырым кирпичом и свежим деревом — тем особенным запахом, который бы-

вает только на стройках. На первом этаже стояли леса, навалены доски, повсюду валялись инструменты, но он знал, что лестница наверх, туда, где горел свет, уже построена.

Начал он подниматься. Ступени были каменными, узкими, и каждый шаг отдавался эхом в пустых залах, словно кто-то невидимый повторял его движения. На втором этаже он заметил столы, заваленные чертежами — карты звездного неба, планы механизмов, рисунки невиданных машин. Андрей задержался на мгновение, пораженный точностью линий. Он никогда не видел таких чертежей даже у отца, и они казались ему письменами иного, высшего мира.

— Ступай выше, — раздался голос сверху. Низкий, с легким, едва уловимым акцентом, который придавал ему особую таинственность. — Я жду тебя.

Поднял Андрей голову и увидел фигуру в дверном проеме третьего яруса. Человек стоял спиной к свету, так что лица не было видно, только силуэт — высокий, широкоплечий, в темном кафтане, с длинными волосами, перехваченными кожаным шнурком. Он казался изваянием, вышедшим из древней легенды.

Поднялся Андрей наверх.

Комната на третьем ярусе была просторной, с высокими окнами без стекол — лишь решетки, сквозь которые вливался утренний ветер, свежий и бодрящий. В центре стоял массивный стол из красного дерева, заваленный книгами, свитками, астролябиями и медными трубами, поблескивающими

в утреннем свете. У окна стояла подзорная труба на треноге, направленная на восток, словно вглядываясь в самую душу неба. А у самого окна, повернувшись к Андрею, стоял молодой человек, которому на вид было не более двадцати пяти.

Яков Брюс.

Он был красив той холодной, правильной красотой, которая бывает у статуй древних римлян: высокий лоб, прямой нос, тонкие губы, серые глаза, в которых читался ум, не по годам зрелый и пронизательный. Одежда его — темно-синий кафтан, камзол, кружевной воротник — была безупречна, несмотря на ранний час и строительную пыль вокруг. Казалось, он только что вышел из будуара, а не из лаборатории.

— Ты пришел, — сказал Брюс без малейшего удивления, словно ждал этого момента всю жизнь. — Я знал, что ты явишься. Твой отец часто говорил о тебе.

— Мой отец? — переспросил Андрей, не смея шагнуть ближе, словно боялся нарушить это видение.

— Он был моим человеком, — спокойно ответил Брюс, и голос его звучал ровно, как хорошо настроенный инструмент. — Он искал Либерию для меня. Он почти нашел ее, но не успел. Ты — его продолжение. Ты носишь его перстень. Ты читал его тетрадь. Ты спустился в тайник.

Андрей сглотнул. Он хотел спросить, откуда Брюсу все это известно, но слова застряли в горле, как кость.

— Покажи, что ты нашел, — велел Брюс, и в голосе его послышалась сталь.

Андрей достал из-за пазухи черную книгу. Брюс взял ее, и на его лице промелькнуло выражение — не радость, не удивление, а скорее торжество, смешанное с тревогой, как у человека, который нашел то, что искал, но боится того, что может за этим последовать. Пролистал он несколько страниц, вглядываясь в греческие строки, и кивнул, словно подтверждая свои самые смелые догадки.

— Да, — сказал он. — Это «Гранд Гримуар». Не вся книга — часть, но самая важная. Здесь записаны имена духов и заклинания, которые могут открыть главный тайник. Ты принес мне ключ, Андрей. Ключ ко всему.

Перевел Андрей дух и все-таки решил задать главный вопрос, который мучил его с самого начала:

— Вы... вы чернокнижник? В городе говорят, что вы колдун, что вы служите дьяволу.

Брюс усмехнулся — коротко, без тепла, как усмеваются люди, привыкшие к невежеству толпы.

— Колдун, — повторил он, смакуя это слово. — Какое смешное, детское слово. Я — ученый, Андрей. Я изучаю законы природы, которые простой народ называет магией. Астрономия, алхимия, механика — это не колдовство, это знание. И то, что я делаю, не противоречит разуму. Просто разум этот гораздо глубже, чем у тех, кто крестится при виде подозрительной трубы.

Положил он книгу на стол и посмотрел на Андрея в упор, пронизывая его своим ледяным взглядом.

— Ты хочешь знать, кто ты на самом деле, — сказал он.
— Ты носишь кровь волхвов, Андрей. Твой род восходит к тем, кто правил Русью до Рюрика, до крещения, до христианства. Твой отец знал это, но не успел передать тебе знания. Я передам. Если ты согласишься стать моим учеником.

Андрей молчал. За окном просыпалась Москва — слышны были голоса, лай собак, звон колоколов, обычная утренняя суета, которая казалась сейчас такой далекой и нереальной. Он смотрел на Брюса, на его холодные глаза, на стол, заваленный чертежами, на черную книгу, которая лежала между ними, и чувствовал, что мир, в котором он жил до этой минуты, рухнул, как карточный домик, и на его месте вырастает новый, полный тайн и опасностей.

— Я согласен, — сказал он, и голос его прозвучал тверже, чем он сам ожидал.

Брюс кивнул, и в его глазах мелькнуло удовлетворение.

— Хорошо. Теперь иди. Отдыхай. Завтра начнется твоя учеба. И запомни: то, что мы делаем, — это не для власти и не для денег. Это для сохранения знания. Знания, которое старше любой империи и сильнее любого царя. Иди.

Вышел Андрей из башни, когда солнце уже полностью взошло, залив город своим щедрым светом. Москва шумела, жила, дышала, не подозревая о том, что в ее сердце, под землей, хранятся ответы на вопросы, которые человечество еще не научилось задавать. Андрей сжал перстень в кармане и улыбнулся.

Жизнь только начиналась.

Глава 3, в которой стрелецкий набат потрясает Москву, а кровь заливают кремлевские ступени

Андрей не спал всю ночь, ворочаясь на узкой лавке в своей каморке в Кисловской слободе. Он лежал, смотрел в потолок и слышал, как за тонкой дощатой стеной похрапывает сосед-кузнец, как где-то далеко лают собаки, как ветер гуляет по пустым переулкам, завывая в щелях. Но мысли его были далеко — в той каменной камере под Кремлем, где он нашел черную книгу, и в Сухаревой башне, где стоял у окна с Яковом Брюсом и смотрел на рассвет.

«Ты носишь кровь волхвов», — сказал тогда Брюс. Андрей тогда не ответил, но внутри него все перевернулось, словно кто-то перетряхнул его душу. Он всегда чувствовал себя чужим — среди дворянских детей, которые дразнили его «книжным червем», среди подьячих в приказе, где он служил переписчиком, даже среди соседей в слободе. Он думал, что это от того, что он слишком много читает и слишком мало молится. Теперь он знал правду: он был другим. Он был наследником древнего рода, о котором никто не говорил вслух, боясь даже произнести его имя.

Задремал он под утро, когда солнце уже начало золотить щели в ставнях, пробиваясь сквозь тьму. Сон был тревожным — ему снились подземелья, тени, тянущие к нему руки, и голос отца, который повторял: «Найди его, Андрей. Найди Брюса. Только он спасет книги».

Проснулся он от звука — не от обычного утреннего шума, а от чего-то резкого, пронзительного, что разрывало тишину, как ножом. Вскочил он и прислушался. Это был колокол. Но не церковный благовест — набат. Тревожный, непрерывный звон, который разносился над Москвой, заставляя людей выбегать из домов, бросая свои дела.

Натянул Андрей сапоги, накинул кафтан и выскочил на улицу. Кисловская слобода уже гудела, как растревоженный улей. Соседи стояли у ворот, крестились и причитали, и лица их были бледны от страха.

— Стрельцы! Стрельцы бунтуют! В Кремль пошли, слышь?

— Говорят, Нарышкины царевича Ивана убили!

— Софья-царевна набат велела бить! Собираются стрельцы, ох, лихо будет!

Понял Андрей: начинается то, о чем шептались последние недели. Нарыв прорвался. Побежал он в сторону Кремля, не разбирая дороги, перепрыгивая через лужи и ведра, которые выставили на крыльца хозяйки, и ветер свистел в ушах.

Кремль был осажден — не войском, а толпой. Стрельцы в красных кафтанах, с бердышами и пищалями, с лицами, искаженными гневом и страхом, заполнили Соборную площадь. Они кричали, размахивали оружием, требовали выдать им «изменников-бояр», которые будто бы задушили ца-

ревича Ивана. Голоса их сливались в единый рев, от которого дрожала земля.

Пробился Андрей сквозь толпу и прижался спиной к стене Успенского собора, чувствуя холод камня даже сквозь одежду. Видел он, как из дворца выбегают бояре — бледные, дрожащие, в распахнутых шубах, потерявшие всякое достоинство. Их хватали, тащили на крыльцо, и там, на глазах у сотен людей, сбрасывали вниз на копья. Кровь заливала каменные ступени, растекалась по плитам площади, смешиваясь с грязью и соломой, создавая чудовищное месиво.

Андрей никогда не видел смерти так близко. Он стоял и смотрел, как убивают боярина Матвеева — того самого, что был наставником Петра, что учил царевича грамоте и военному делу. Матвеев вышел на крыльцо с иконой в руках, пытался говорить со стрельцами, уговаривал их, но его схватили и сбросили вниз. Он упал на копья и затих, а стрельцы закричали: «Слава! Слава царевне Софье!»

Отвернулся Андрей. Его тошнило от этого зрелища, от запаха крови, который смешивался с гарью и потом. Сжал он кулаки и попытался унять дрожь в коленях, но она не проходила. Хотел он уйти, но что-то удержало его — любопытство, или страх, или то самое чувство, что он обязан быть здесь, видеть все, запоминать.

И тогда на крыльцо вышла она.

Царевна Софья. Ей было двадцать пять лет, но выглядела она старше — высокая, полная, с бледным лицом и темными

проницательными глазами, в которых горел холодный огонь. На ней было тяжелое золотое платье, расшитое жемчугом, и поверх — парчовая шуба, несмотря на майское тепло. Она подняла руку, и площадь затихла мгновенно, словно кто-то зажал рты всей этой разъяренной толпе.

— Верные мои слуги, — сказала Софья, и голос ее прозвучал над Кремлем, чистый и сильный, как удар колокола. — Вы защитили нас от изменников. Царь Иван и царь Петр будут править вместе. А я буду их сестрой и советницей. Всякая измена будет наказана, а верность — вознаграждена. Идите с миром.

Стрельцы закричали: «Да здравствует царевна Софья!» — и начали расходиться, оставляя на площади десятки тел, которые так и остались лежать в лужах крови. Андрей смотрел на Софью и чувствовал, как по спине бежит холод, пронизывающий до костей. Он видел в ней ту же силу, что и в Брюсе — ту, что не нуждается в книгах и гримурах. Силу воли, которая двигает толпы и меняет судьбы.

Она оглядела площадь, и на мгновение ее взгляд встретился со взглядом Андрея. Он почувствовал, что она видит его — не просто человека в толпе, а кого-то другого, кто-то, кто не должен быть здесь. Она едва заметно нахмурилась, но тут же отвернулась и ушла во дворец, оставив после себя лишь холодное послевкусие.

Выдохнул Андрей и понял, что больше не может стоять на этом месте. Развернулся он и пошел прочь, через Спасские

ворота, прочь от Кремля, прочь от крови и криков, прочь от этого кошмара.

Глава 4, в которой Немецкая слобода являет свой покой, а генерал Гордон открывает тайны

Пришел он в Немецкую слободу только к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багряные тона. Ноги несли его сами — он знал, что здесь, среди иноземцев, он сможет найти ответы. Здесь жил генерал Патрик Гордон, шотландец на русской службе, друг Брюса. Брюс говорил о нем с уважением — и с осторожностью, и это сочетание интриговало Андрея.

Слобода жила своей жизнью, совершенно отличной от московской. Здесь не было слышно набата, здесь не пахло кровью. Здесь пахло голландским сыром, французским вином и табаком — теми благами, которые были недоступны простому москвичу. Дома стояли аккуратные, с черепичными крышами, с высокими окнами, из которых лился теплый свет, создавая уютную, почти сказочную атмосферу. В садах цвели яблони, и пчелы жужжали над белыми цветами, словно ничего не случилось.

Остановился Андрей перед домом Гордона — двухэтажным, кирпичным, с остроконечной крышей и флюгером в виде петуха, который гордо поворачивался на ветру. Постучал он в дверь. Ему открыл слуга-немец, взял письмо — Андрей захватил его с собой, Брюс дал ему накануне — и исчез внутри. Через минуту он вернулся и жестом пригласил Андрея

войти.

Внутри пахло воском и кожей — тем особенным запахом, который бывает в домах старых военных. Генерал Гордон сидел в кресле у камина, хотя в комнате было тепло и без огня. Он был стар, сед, лицо его бороздили морщины, как старую карту, а голубые глаза смотрели на мир с усталой мудростью человека, который видел слишком много войн и слишком много смертей.

— Так ты и есть тот мальчишка, — сказал Гордон по-русски, с сильным акцентом, который придавал его речи особый колорит. — Брюс писал о тебе. Говорит, ты нашел книгу в Кремле.

Андрей кивнул. Он все еще не мог говорить — утро застряло в горле комом, и слова не шли.

— Садись, — велел Гордон. — Выпей вина. Ты бледен, как смерть.

Сел Андрей в кресло напротив и взял предложенный бокал. Вино было красным, густым, терпким, с ароматом далеких стран. Сделал он глоток — и почувствовал, как тепло разливается по телу, успокаивая дрожь и возвращая способность мыслить.

— Что случилось в Кремле? — спросил Гордон, хотя по его тону было ясно, что он уже все знает.

— Стрельцы устроили бунт, — ответил Андрей, и голос его прозвучал хрипло. — Убили бояр. Матвеева убили. Софья вышла к ним и сказала, что будет править.

Гордон усмехнулся, безрадостно, скривив губы, словно попробовал что-то кислое.

— Софья, — повторил он. — Умная женщина. Опасная женщина. Она знает, как играть с толпой, как натравить одних на других. Петр — он еще мальчик, он в Преображенском, в безопасности. Но если она придет к власти, она уничтожит все, что строил его отец. И Брюса тоже — она знает, что Брюс держит сторону Петра.

— Брюс говорил мне, что мы должны найти Либерию до того, как она станет царицей, — сказал Андрей.

Гордон поднял бровь, и в его глазах мелькнул интерес.

— Либерия? Так он тебе сказал? Что ж, значит, он тебе доверяет. Хорошо. Тогда слушай.

Откинулся он в кресле и закрыл глаза на мгновение, будто собираясь с мыслями, которые накопились за долгие годы.

— Ты знаешь, что такое Либерия? — спросил он, не открывая глаз.

— Библиотека Ивана Грозного. Ее привезла в Москву Софья Палеолог, бабка царя.

— Правильно, — кивнул Гордон, открывая глаза. — Но это не просто библиотека. Это собрание книг, которые собирали византийские императоры тысячу лет. Там есть рукописи, которых нет больше нигде в мире. Греческие философы, арабские астрономы, египетские жрецы — все это в подземельях Кремля. И Брюс хочет найти это не ради знаний. Он хочет найти гримуары.

— Гримуары? — переспросил Андрей, и сердце его снова забилось быстрее.

— Книги магии, — сказал Гордон, глядя на Андрея в упор. — Настоящей магии. Не той, что показывают на ярмарках, а той, что может менять мир. Брюс считает, что в библиотеке Грозного есть «Гранд Гримуар» — книгу, которую, по легенде, написал сам царь Соломон. С ее помощью можно управлять стихиями, вызывать духов, даже останавливать время.

Андрей молчал. Он вспомнил черную книгу, которую нашел в тайнике, и слова, написанные на первой странице: «Заколдования, что подчиняют духов, слова, что останавливают время».

— Я видел такую книгу, — сказал он тихо. — Я нашел ее в тайнике под Кремлем. Брюс сказал, что это часть «Гранд Гримуара».

Гордон нахмурился и подался вперед, и лицо его стало серьезным.

— Часть? Ты уверен?

— Он сказал, что это ключ к главному тайнику. Что там, в глубине, есть полная книга.

Гордон долго смотрел на него, потом медленно кивнул, словно принимая какое-то важное решение.

— Значит, он был прав. Библиотека не миф. Она существует. И ты, мальчик, только что открыл дверь, которую никто не мог открыть триста лет.

Встал он, подошел к окну и посмотрел на закат, который окрашивал небо в кровавый цвет, как напоминание о сегодняшних событиях.

— Слушай меня, Андрей Одоевский, — сказал он, не оборачиваясь. — В Москве сейчас творится хаос. Софья у власти, стрельцы пьют кровь бояр, а Петр — он далеко, но он вернется. Когда он вернется, он начнет строить новую Россию — Россию, в которой не будет места волхвам и чернокнижникам. Он будет бояться магии, как огня. И если он узнает, что Брюс ищет гримуары, он их уничтожит. Или прикажет уничтожить.

Повернулся он и посмотрел на Андрея, и в его взгляде была сталь.

— Ты должен помогать Брюсу. Ты — его ученик, ты — волхв по крови. Но ты должен быть осторожен. Никому не говори о том, что ты нашел. Даже близким. Особенно близким.

— У меня нет близких, — ответил Андрей. — Отец умер. Мать — давно. Я один.

Гордон усмехнулся, но на этот раз в его усмешке было тепло, почти отеческое.

— Тогда ты идеальный хранитель. Одиночество — это защита. Помни об этом.

Подошел он к столу и взял небольшую шкатулку. Открыл ее и вынул оттуда серебряный амулет — небольшую пластинку с выгравированным знаком круга, пересеченного

тремя линиями.

— Возьми, — сказал Гордон. — Это знак твоего рода. Носи его под рубашкой, у сердца. Он защитит тебя от того, что ты не видишь, но чувствуешь.

Взял Андрей амулет и повесил на шею. Металл был холодным, но через мгновение нагрелся от его тела и стал почти теплым, словно живой.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — ответил Гордон. — Просто запомни: ты теперь часть чего-то большего, чем ты сам. Ты хранитель. И хранители не имеют права на слабость.

Отпустил он Андрея, и тот вышел в теплый вечер Немецкой слободы. Закат догорал, и небо было багряным — как кровь на кремлевских ступенях.

Пошел Андрей обратно в Кисловскую слободу, сжимая амулет и чувствуя, как в груди разрастается странное спокойствие. Он знал, что грядущие дни будут трудными. Но он был готов. Или думал, что готов.

Часть II

Глава 5, в которой Сухарева башня становится школой тайн, а черный камень открывает видения

Наутро после кровавого набата Андрей проснулся оттого, что в дверь его каморки настойчиво стучали, словно кто-то хотел выбить ее вместе с петлями. Вскочил он, нашаривая

под лавкой сапоги, и открыл — на пороге стоял мальчишка лет двенадцати, рыжий, конопатый, в ливрее с гербом Брюсов, и вид у него был такой важный, будто он сам был царем.

— Господин Брюс велел вам быть в башне к полудню, — выпалил мальчуган и тут же исчез, будто его и не было, растворился в утреннем воздухе.

Глянул Андрей в щель между ставнями — солнце уже поднялось высоко, и переулки Кисловской слободы были пустынные. После вчерашнего москвичи попрятались по домам, и лишь кое-где у ворот стояли мужики с топорами — на случай, если стрельцы опять пойдут по дворам. Оделся он наспех, сунул за пояс отцовский кинжал, прихватил амулет Гордона — он так и висел у него на шее, холодный и тяжелый, — и вышел вон.

Дорога до Сухаревой башни заняла не больше получаса. На Сретенке было непривычно тихо: лавки закрыты, телеги не скрипят, лишь ветер гоняет солому по мостовой да псы воют где-то вдалеке, словно чуя беду. Заметил Андрей, что у башни стоят стрелецкие караулы — видимо, Брюс, несмотря на свое положение, не был уверен в безопасности и выставил охрану из своих людей.

Внутри башни пахло все так же — известью, деревом, металлом, тем особенным запахом стройки, который уже начинал казаться Андрею родным. На первом ярусе строители уже работали, постукивая молотками и перекликаясь на непривычном для Андрея языке: среди них были и инозем-

цы, которых Петр нанял для строительства. Поднялся он на второй ярус, где его встретил вчерашний рыжий мальчуган.

— Господин Брюс велел подождать здесь, — сказал мальчик, указывая на лавку у стены. — Он занят.

Сел Андрей. Осмотрелся он. Второй ярус башни был просторнее, чем он запомнил: здесь уже стояли книжные шкафы, правда, пока пустые, и длинные столы, заваленные чертежами и схемами, которые казались письменами иного мира. На полу лежали свернутые рулоны бумаги, у стены громоздились деревянные ящики с надписями на латыни. Хотел было Андрей подойти к одному из них, но в этот момент на лестнице раздались шаги.

Сверху спустился Брюс — в простой льняной рубаше, без парика, с непокрытой головой. Волосы его были слегка влажными, будто он только что умылся, и это придавало ему вид человека, только что вышедшего из бани. Кивнул он Андрею и жестом велел следовать за собой.

Поднялись они на третий ярус. Здесь, в кабинете Брюса, было все по-вчерашнему: стол, книги, подзорная труба у окна. Но Андрей сразу заметил, что появилось что-то новое — на столе стоял черный камень, гладкий, отполированный до зеркального блеска, и возле него лежал серебряный молоточек, словно для того, чтобы будить эту черную гладь.

— Ты вовремя, — сказал Брюс, садясь за стол. — Нам нужно поговорить до того, как начнутся твои занятия.

— Я слушаю, — ответил Андрей, и голос его прозвучал

тверже, чем он ожидал.

Брюс указал ему на стул, и Андрей сел. Между ними лежала та самая черная книга — «Гранд Гримуар», которую Андрей принес из кремлевского тайника, и она казалась живым существом, притаившимся в ожидании.

— Вчера ты видел Москву в крови, — начал Брюс без предисловий, и голос его был ровен, как поверхность того черного камня. — Ты видел, как власть переходит из рук в руки, как люди убивают друг друга за призрачные троны. Это наша реальность, Андрей. Но есть и другая реальность — та, что скрыта под землей, в книгах, в звездах. И она не менее реальна, чем эта, с ее кровью и набатом.

Положил он руку на книгу, и пальцы его коснулись черной кожи.

— Ты принес мне часть «Гранд Гримуара». Этого достаточно, чтобы открыть вход в главный тайник Либерии, но недостаточно, чтобы извлечь из него то, что нам нужно. Там, в глубине, есть не только книги — там есть артефакты. Волшебные предметы, созданные волхвами тысячи лет назад. Один из них — пистоль, способный уничтожать любую магию, даже самую темную. Другой — амулет, который делает своего владельца невидимым для духов. И еще много чего.

— Вы хотите, чтобы я нашел их? — спросил Андрей, и сердце его забилось быстрее.

Брюс покачал головой, и в его глазах мелькнула тень.

— Пока нет. Сначала ты должен научиться понимать ма-

гию, чтобы не погибнуть в подземельях. Там ловушки, которые не видно глазами. Там духи, которые питаются страхом. Если ты войдешь туда неподготовленным, ты не выйдешь. Твой отец погиб не от горячки, Андрей. Он погиб потому, что спустился в тайник без защиты. Он отравился ядовитым воздухом — одной из ловушек, которую оставили волхвы.

Андрей почувствовал, как у него перехватило дыхание, словно кто-то сжал его горло.

— Отец... отравился?

— Да. Я знал это, но не сказал тебе — ты должен был сам прийти к пониманию. Теперь ты знаешь. И поэтому твое обучение начнется не с книг, а с практики.

Брюс поднялся и подошел к черному камню, который стоял на столе, как черная жемчужина.

— Это — обсидиан, — сказал он. — Вулканическое стекло. Волхвы использовали его для видений. Если смотреть на его поверхность долго, можно увидеть то, что скрыто от глаз. Вот, попробуй.

Встал Андрей и подошел к столу. Камень был теплым на ощупь, словно нагретый солнцем, хотя солнце не проникало в эту часть комнаты. Наклонился он и уставился в черную гладь.

Сначала он видел только свое отражение — бледное лицо, взлохмаченные волосы, круги под глазами. Но постепенно отражение начало расплываться, как в воде, и вместо него показалось что-то другое. Подземелье. Темное, сырое, с ка-

менными стенами, покрытыми теми же знаками, что и на его перстне. В центре подземелья стоял сундук, окованный железом, и из сундука пробивался золотой свет, теплый и ма- нящий.

— Что это? — прошептал Андрей, и голос его дрожал.

— Один из тайников, — ответил Брюс. — Тот, куда мы должны попасть. Ты только что увидел его через обсидиан. Это значит, что магия волхвов признает тебя. Ты — один из них.

Оторвал Андрей взгляд от камня и посмотрел на Брюса. Глаза его горели, и в них был тот же огонь, что и в черной глади.

— Я готов учиться.

— Тогда начнем, — сказал Брюс.

Глава 6, в которой Андрей постигает азы волхвства, а подземелье открывает свои врата

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.